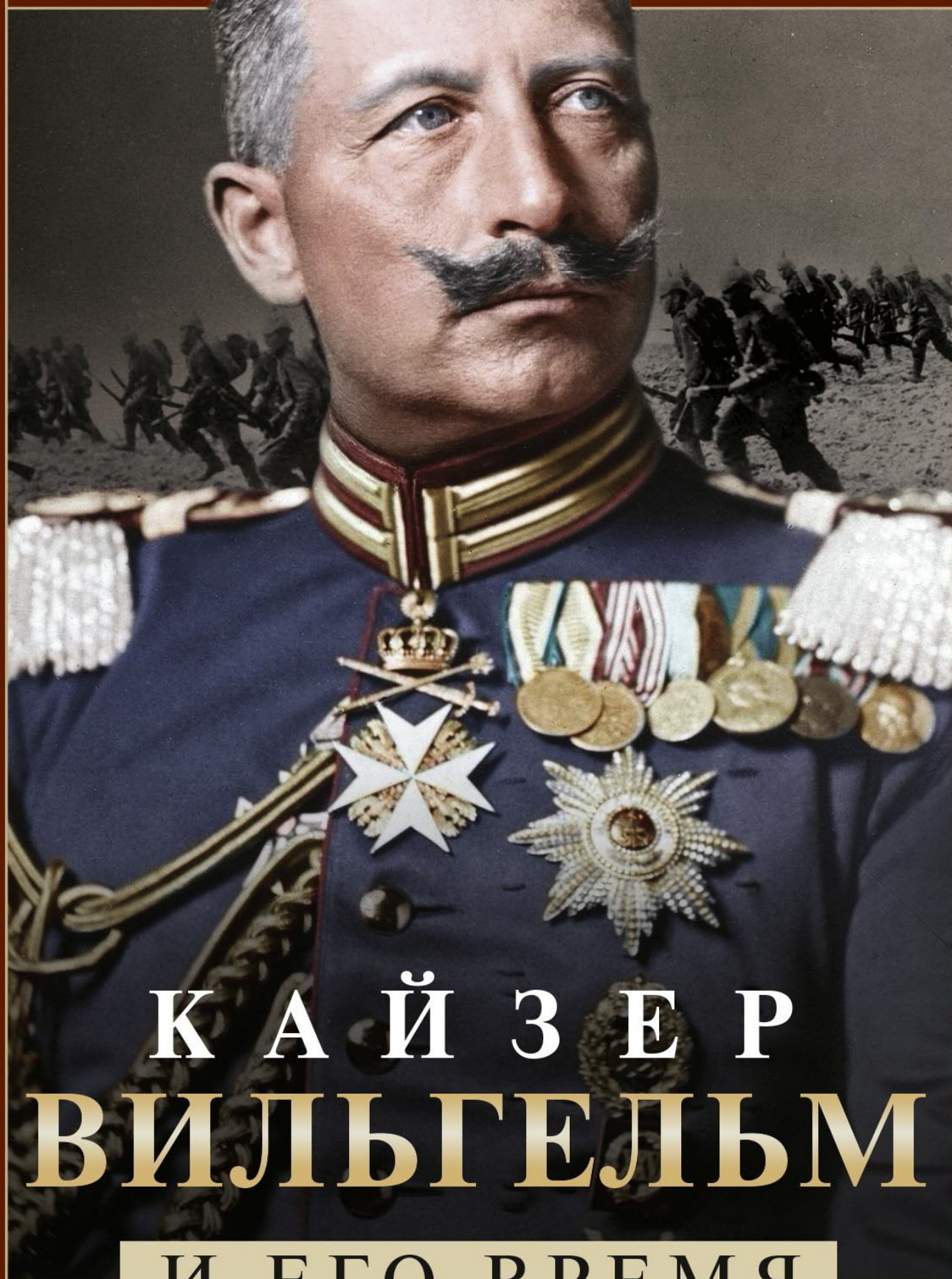

МАЙКЛ
БАЛЬФУР

КАЙЗЕР
ВИЛЬГЕЛЬМ

И ЕГО ВРЕМЯ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРАТОР —
СИМВОЛ ПОРАЖЕНИЯ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Майкл Бальфур

**Кайзер Вильгельм и его
время. Последний германский
император – символ поражения
в Первой мировой войне**

«Центрполиграф»

1964

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Бальфур М.

Кайзер Вильгельм и его время. Последний германский император – символ поражения в Первой мировой войне / М. Бальфур — «Центрполиграф», 1964

ISBN 978-5-9524-5731-7

Известный английский историк Майкл Бальфур анализирует социальные, конституционные и экономические силы, действовавшие в имперской Германии. Автор рассматривает сложную, противоречивую фигуру кайзера, занимавшего центральное положение в течение трех десятилетий до 1918 г., в контексте его семейной истории и истории Германии. Демонстрируя блестящее знание жизни Германии эпохи Вильгельма II, Бальфур живо, ярко и стильно описывает события, происходящие в Европе в начале XX в. В книге цитируются различные документы, воспоминания, письма, дневники; приведены курьезные истории и случаи, позволяющие взглянуть на главных персонажей с неожиданного ракурса. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5731-7

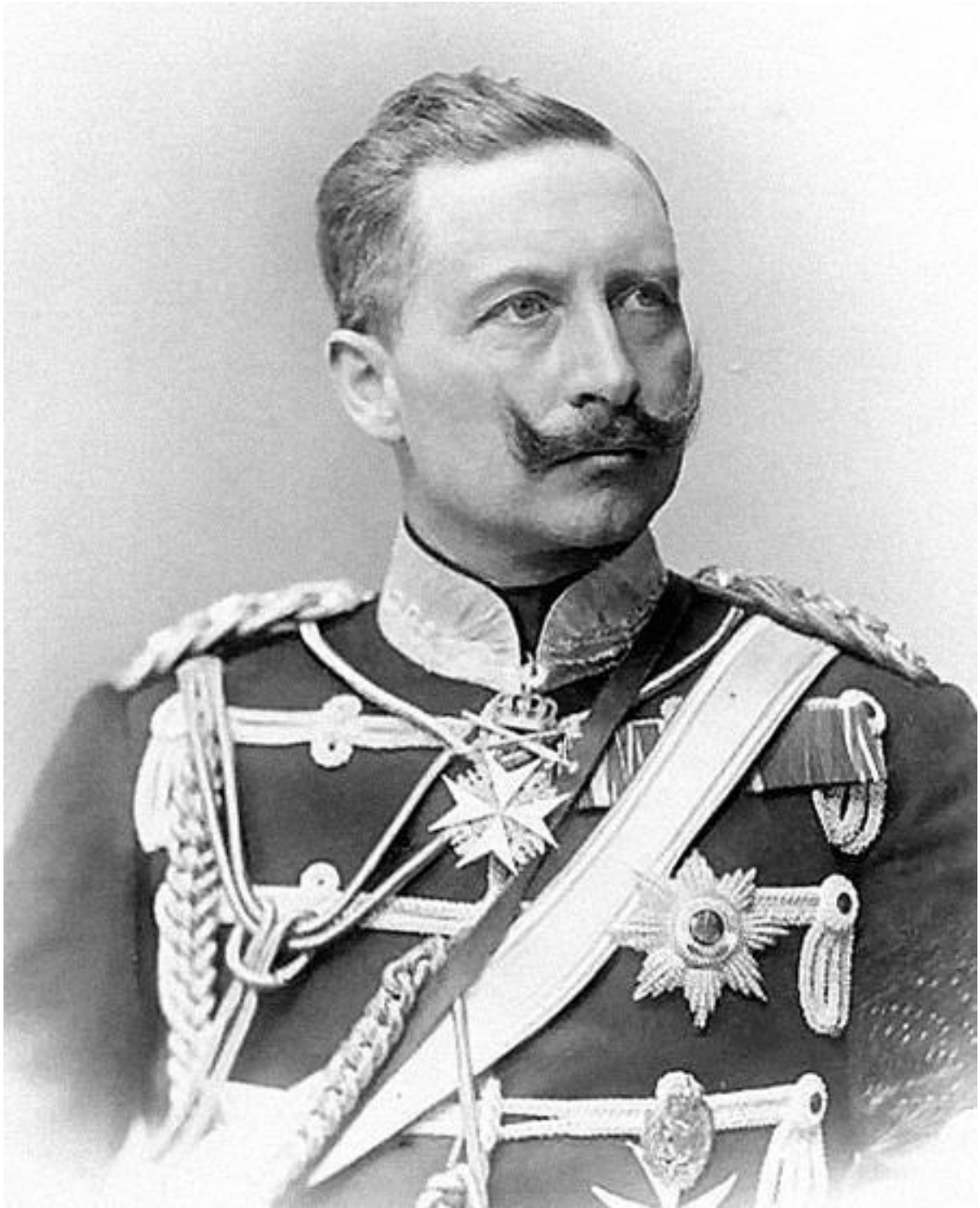
© Бальфур М., 1964
© Центрполиграф, 1964

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Майкл Бальфур

Кайзер Вильгельм и его время. Последний германский император – символ поражения в Первой мировой войне

MICHAEL BALFOUR

THE KAISER
AND HIS TIMES

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Предисловие

«В политических проблемах никогда не удается достичь четкого математического решения, которое позволило бы нам составить корректный баланс. Вместо этого они возникают, существуют и уступают место другим историческим проблемам. Таков естественный ход вещей».

Так писал Бисмарк в 1881 году. Едва ли можно найти более убедительное подтверждение его взглядов, чем разительный контраст между проблемами, занимавшими государственных деятелей в начале двадцатого века, и теми, что их интересуют сегодня. Но Бисмарк не упомянул (хотя и, безусловно, видел), что политические проблемы прошлого оставляют за собой следы. Все многообразие обстоятельств, приведших к войне 1914–1918 годов, и сам ход военных действий во многом объясняют природу урегулирования, достигнутого, когда она завершилась. Из этого урегулирования, благодаря другому процессу естественного развития, вырос мир 1930-х годов и война 1939–1945 годов, которые, в свою очередь, во многом сформировали наш современный мир. Более того, в широком смысле война 1914–1918 годов явилась ранним симптомом развивающегося мирового процесса, который сегодня мы можем видеть под новым углом, – начало конца гегемонии Западной Европы.

Этим объясняется интерес к биографии кайзера Вильгельма II, сложной и неоднозначной исторической личности, занимавшей центральное место на протяжении трех десятилетий, предшествовавших 1918 году. Только речь не идет о написании очередной хроники слов и деяний кайзера. Ее никто не захочет читать. Также вряд ли есть смысл в написании труда, посвященного подробному анализу личности кайзера. Скорее, историк должен стремиться показать, как эта личность стала тем, кем она была, как человек, обладающий таким характером, стал занимать ключевой пост и каковы были главные последствия этого. Иными словами, кайзера необходимо показать в контексте немецкой истории и на семейном фоне. Твердо веря в то, что личность можно правильно понять только в свете ее окружения, я уделил именно окружению большое внимание.

Я надеялся заинтересовать всех читателей, которые хотят понять, как сформировался мир, в котором они живут. Должен заранее предупредить, что мои версии некоторых эпизодов открыты для обсуждения. Я постарался включить как можно больше дополнительных фактов, чтобы сделать действия кайзера понятными без постоянного обращения к учебникам. Вместе с тем я периодически пропускал объяснения мелких фактов, которые могут быть интересны информированным читателям, но не важны для новичков. Прошу учесть, что я не ставил перед собой цель написать новую историю европейской дипломатии, Первой мировой войны или германских политических партий. Задуманная мною книга лишилась бы большей части своих достоинств, если бы получилась слишком длинной. Тем не менее объем материалов, доступных даже только в печатных источниках, огромен, и уменьшить его можно было только путем самого тщательного отбора и сокращения. По этой же причине я не стал использовать свежие документальные источники, которые во время написания книги (а писал я ее исключительно в свободное от основной работы время) были доступны только во фрагментарном и бессистемном виде. Вместе с тем я старался излагать материал все же не так сжато, чтобы книга оказалась нечитаемой. Неизбежным результатом стала серия компромиссов. Надеюсь, читатели найдут их оправданными.

Для удобства я использовал слово «кайзер» только применительно к Вильгельму II. Для удобства я также иногда (но не всегда) говорил об Австрии, когда, строго говоря, речь шла об Австро-Венгрии. Я старался не забывать, что правильное название наших островов Британия, хотя тот факт, что большинство европейцев называют их Англия, привел меня к некоторой непоследовательности. Я принял термин Парето «элита», как наиболее удобный ярлык для

описания германских правящих классов, или истеблишмента. И я использовал слово «культура» для обозначения не только интеллектуальных и художественных проявлений жизни в обществе, но и всего разнообразия этой жизни.

Я приношу мою величайшую благодарность и признаю свой неоплатный долг перед всеми, кто помогал мне в написании этой книги.

Майкл Леонард Грэм Бальфур

Глава 1

Исторический фон: 400 год до н. э. – 1880 год

Ранние времена

Тот факт, что историки разных стран различаются, в зависимости от своего окружения, часто с готовностью принимается, но систематически забывается. История немецкого Второго рейха под властью третьего императора, возможно, является только фазой в вековом процессе, в котором человеческое развитие, «стартовав» на западных берегах Европы, следует к концам земли. Но Германия располагается не на западном побережье Европы и не в Центральной Африке, и многочисленные значения этого факта следует обозначить раньше, чем оценивать последствия.

Первый вопрос заключается в следующем: почему именно характер германцев стал решающим отличительным признаком, на котором в девятнадцатом веке целый ряд недовольных людей, живших в Центральной Европе, сочли естественным основать свои притязания на более близкую политическую связь? Как получилось, что они обладали общими признаками, но не имели общего правительства?

На заре истории в железном веке почти всю территорию, которую сегодня называют Германией, населяли кельты, и только к востоку от реки Везер до теперешней Дании жили племена с другой культурой. Одно из них называло себя германским, другое – тевтонским. Изменявшиеся спрос и потребление действовали на эти группы, как и на большинство примитивных народов. Имели место постоянные набеги. И один из них привел группу тевтонов в 102 году до н. э. в Экс-ан-Прованс и к поражению от рук римского военачальника Гая Мариа. Во втором веке до н. э. вся группа постепенно смещалась на юг и запад. Наиболее результативные набеги совершали вниз по Рейну и на другой его берег. Жертвы этих набегов стали называть германцами без разбора всех, кто жил к востоку от реки. Это был первый из многих случаев, когда судьба германцев оформилась без их согласия с мнением других людей.

Тацит писал, что «Германия отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков – обоюдной боязнью и горами». Но две римские провинции Германии находились за пределами обозначенной таким образом территории и едва ли были населены германцами. Большая часть современной Германии и многие народы, поселившиеся в ней, никогда не были под римским правлением и не принимали римскую культуру. То, что это отличает их от других западноевропейцев, легко увидеть. Но как велика разница между ними, сказать намного труднее. Задачу установить отличия одной группы обитателей региона от другой не облегчает энтузиазм историков, упрямо называющих любое племя, побежденное римлянами, «кельтским», а одержавшее победу – «германским». Усилия проследить истоки последних может существенно повлиять на нашу способность понимать прошлые века, если приведет нас к допущению, что термины, которые стали различаться только впоследствии, имели разное значение с самого начала. Вождь Арминий (не будем уклоняться от истины, называя его Германом) в девятом веке нашей эры нанес поражения римлянам под командованием Вара в битве в Тевтобургском лесу. Но сам он принадлежал к племени херусков, как и франк Карл Великий. Маловероятно, что они оба, не протестуя, позволили бы называть себя германцами или тевтонами.

По мере того как Римская империя клонилась к закату, имел место еще один этнический взрыв. В четвертом и пятом веках германские племена (то есть, собственно, германцы или племена, им родственные) вышли из Скандинавии, Германии и регионов за Эльбой в Централь-

ную и Западную Европу, на Балканы, в Италию и на Иберийский полуостров. Франки (или «свободные люди») – это название вошло в обиход в третьем веке применительно к группе рейнских племен – направились во Францию, ломбарды – в Италию, вестготы в – Испанию. В новом окружении их характеристики постепенно изменились. Сегодняшнюю Германию населяют баварцы, швабы (или алеманы), тюринги, франконцы, фризы, саксонцы и лотаринги – свободные группировки, не имеющие эффективной политической связи друг с другом и чувства сплоченности. С языком было почти то же самое, хотя при отсутствии письменных документов приходится делать много допущений. Представляется, что разные племена говорили на диалектах одного базового языка (что предполагает наличие единого источника). Но там, где захватчики обосновались в римских провинциях, появились латинизированные варианты. Затем примерно в шестом веке возникло прилагательное от корня *thiod*, или «народ», и начало применяться к местной речи групп, оставшихся между Рейном и Эльбой. Латинская форма этого прилагательного – *theodisca*, древневерхненемецкое *diutisk*, от которого со временем произошло *diutsch*, и термин, которым люди, называемые нами германцами, именуют себя.

Примерно в восьмом веке местный язык стал письменным, и в это же время семь племенных герцогств упрочили связи между собой, оказавшись под властью императора франков. Когда после смерти Карла Великого в 814 году империя распалась, ее восточная часть осталась объединенной под властью франкского короля Людовика, который называл себя *Germaniens* – немецкий (германский). С Верденского договора 843 года, которым было создано его королевство и который (чтобы исправить тот факт, что франки и теодиски больше не понимали друг друга) пришлось составлять на двух языках, началась собственно германская история. Сплоченность стала привычной, и в 911 году семь племен, чтобы избежать навязывания им нового франкского правителя, согласились избрать своим королем герцога Конрада Франконского. Через десять лет его королевство уже называется в документах *regnum teutonicorum* – королевство тевтонов. В следующем столетии название «тевтоны» стало широко использоваться для обозначения его жителей.

Средние века

До этого времени и, по сути, на протяжении всего следующего столетия история Германии не слишком отличалась от истории территорий, расположенных дальше к западу. Это была история консолидации свободных племенных группировок под центральной властью сильных хищных королей. Не в последний раз единство продвигалось кровью и железом. Процесс оказался столь успешным, что осознание общей судьбы, которое правительство внушило населению, никогда полностью не изгладилось и оказалось историческим фактором, имевшим решающую важность. К 1075 году Германия намного обогнала Францию и Англию... и уже вышла на путь, ведущий к более современной форме правления. Если бы успех оказался долговечным, Генрих IV (1056–1106), несомненно, сумел бы создать великое германское государство, современное норманнской Англии и Франции Филиппа Августа.

Одна из причин этого успеха стала одновременно причиной его падения. Избрание Оттона, короля Германии, в 942 году римским королем, а значит, преемником императоров (хотя титул римского императора стал встречаться в документах значительно позже), не только прибавило ему престижа, но также дало ценную поддержку церкви. Многие епископы и аббаты в Германии и Северной Италии являлись, в сущности, королевскими чиновниками, и попытка императора диктовать свою волю при назначении архиепископа Миланского стала причиной конфликта с папством. Вызов, брошенный папой Гильдебрандом Генриху IV, мог в перспективе стать причиной свободы и чистоты религии, однако он быстро стал мешать развитию Германии. Энергию, которая могла быть потрачена на консолидацию центральной власти, приходилось направлять на противостояние папству. Церковь стала не поддержкой, а повсеместным

объектом неприязни. Более того, выступая против принципа наследственного перехода императорской власти и давая право выбора нескольким подчиненным принцам – выборщикам, папы не только децентрализовали основную власть *de jure*, но и *de facto* открывали путь для длительного и разрушительного процесса борьбы за нее. Одна – хотя только одна – из причин, повлекших императоров на юг, заключалась в желании получить помощь против своих северных вассалов. Великие императоры, такие как Фридрих Барбаросса (1152–1190), могли временно восстанавливать положение и тем самым завоевывали преданность своих подданных, которая, надолго оставаясь в памяти, служила еще одним объединяющим фактором. Однако с тех пор о свободном сотрудничестве между империей и папством уже не могло быть и речи, и делу управления Германией систематически мешала необходимость погружения в сложности средиземноморской политики. Как однажды сказал кайзер, императоров позднего Средневековья влекло на юг желание сохранить в неприкосновенности свой мировой титул, и при этом они забывали о существовании Германии.

Тем временем в регионе, расположенном в другом направлении, в тринадцатом веке начался процесс, впоследствии оказавшийся не менее важным. Когда тысячелетием раньше германские племена двинулись на запад и юг, свободный участок, оставшийся к востоку от Эльбы, заполнился славянскими группами. Эти народы, которые в нескольких местах даже проникли на запад от Эльбы, не испытали влияние средиземноморской культуры на религию, общество и сельское хозяйство. По мере развития Центральной Германии христианский долг обращения язычников объединился с желанием получить землю и лучше ее использовать. Интересно поразмышлять, какие перемены могли произойти, если бы энергия, затраченная на эту работу, была затрачена на консолидацию центрального германского правительства. Но поскольку эта энергия могла быть с той же вероятностью затрачена на восстания против этого правительства, нет весомых причин сожалеть об успехе колонистов.

В Богемии и Силезии операции по обращению язычников и колонизации шли сравнительно легко. Во многих частях Восточной Европы немецкоговорящих поселенцев приветствовали ввиду их богатого опыта работы торговцами и ремесленниками. Почти без преувеличения можно утверждать, что в девятнадцатом веке путешественник мог проехать на телеге от Балтики до Черного моря и каждую ночь останавливаться в немецкой деревне. Но жившие дальше на север пруссаки, славянский народ, родственные латвийцам и литовцам, оказали яростное сопротивление. Главную роль в их покорении сыграли тевтонские рыцари, орден, первоначально сформированный для освобождения Святой земли от неверных, который после Четвертого крестового похода решил поискать другие регионы для применения сил воинствующей церкви. Первая попытка – Трансильвания – оказалась неудачной, но это их не обескуражило, они продолжили действовать, в 1225 году двинулись на север Восточной Германии и после пятидесяти лет ожесточенной борьбы навязали пруссакам не только германские обычаи, но даже германские имена. Не только в Пруссии исконное население стало германизированным. Параллельная ассимиляция была достигнута на многих покоренных территориях, что изрядно усложнило задачу для любого, желающего решить, какой именно расе должны принадлежать те или иные земли. В ходе этого процесса император Конрад III пожаловал Асканию Альбрехту Медведю (1100–1170) новую крепостную территорию в Бранденбурге, и крестьяне с запада стали селиться на болотах, окружавших деревню Берлин.

Дальше на запад ресурсы, необходимые для поддержания императорского титула, стали переходить от их обладателей к номинальным вассалам, и, в конце концов, единственная надежда снять с себя ответственность стала заключаться в передаче ее тому, кто уже располагал полагающимися ему – или его супруге – по праву деньгами и землями, необходимыми для этой задачи. Такой человек принимал титул, чтобы подвигать интересы своей династии и своих владений, хотя стоило ли влияние императора уступок, необходимых, чтобы им стать, еще большой вопрос. Это объяснение связей между Габсбургами и империей, которые постоянно

становились ближе, и, в конце концов, в 1438 году семейство получило титул в наследство. Однако многие земли, из которых Габсбурги черпали свою силу, вообще не были населены германцами (это состояние дел усугубилось победами принца Евгения в семнадцатом веке). Хотя империя получила силы и высокое положение, такое положение не было чисто германским символом, а силы нередко расходовались для целей, далеких от германских. Более того, степень контроля Габсбургами принцев, правивших в Германии, оставалась ограниченной.

Через два века после того, как отношения между императором и выборщиками были оформлены Золотой буллой 1356 года, принцы укрепили свои позиции и много сделали для восстановления порядка в Германии. Все хотели ввести право первородства и неделимость своих земель; заменить местные ассамблеи собраниями представителей народов, которые будут встречаться только в случае объявления общего сбора (как правило, чтобы санкционировать налогообложение); и создать упорядоченную финансовую систему, основанную на полученных налогах. Особенно выдающейся в этом отношении была семья Гогенцоллернов, несколько поколений которой занимали имперский пост в Нюрнберге, пока в 1415 году император Сигизмунд не назначил своего друга Фридриха Гогенцоллерна выборщиком Бранденбурга. Спустя 58 лет сын Фридриха Альбрехт Ахиллес издал закон, регулировавший порядок наследия семьи.

В конце эпохи Средневековья земля немцев была скорее идеей, чем политической реальностью. Возможно, появившееся осознание этого факта и сопутствовавшее ему чувство неудовлетворенности привели в пятнадцатом веке к первой волне интереса к отличительным особенностям германской культуры. В невиданном доселе количестве стали появляться всевозможные исторические исследования. Первые печатные книги касались прошлого немцев. Именно этот век создал миф о Барбароссе, спящем в своей пещере, расположенной по пути в Берхтесгаден. Эта обычная народная легенда была особенно важной, поскольку она вела людей, веривших в нее, вперед от неудовлетворительного настоящего к будущему возрождению величия. Это было также время, когда слова «немецкая нация» были добавлены к титулу «император Священной Римской империи». Новая форма языка начала распространяться из-за Эльбы, где поселенцы из разных частей страны силой обстоятельств были вынуждены соединить свои диалекты. Эта новая форма немецкого языка нашла путь в Библию Лютера, которая тем самым взяла на себя функцию, выполняемую в других регионах центральной администрацией, – установления стандартной речи. Это было совсем как королевский английский, знакомый всем, но совершенно не обязательно всеми используемый.

Реформация и религиозные войны

Сама реформация явилась симптомом недомогания, проецировавшего на корыстных и декадентских лидеров католической церкви ответственность за слабость и плохое управление, которое осознавали все немцы. Она была описана, как запоздалая месть Германии за постоянные преграды ее судьбе со стороны папства, начиная с одиннадцатого века и далее. Лютер, воззвавший к христианской знати германской нации, по-видимому, первым задумался о независимой немецкой церкви. Однако Реформация, хотя и воспламененная проблемами Германии, в итоге лишь усугубила их. Отсутствие доминирующей политической власти означало, что после появления религиозных противоречий не существует эффективного способа их урегулирования. Разные взгляды на проблемы, которые люди считали жизненно важными для спасения своих душ, раздували пламя обычного соперничества между странами. Вопросы трудной для понимания теологии, такие, к примеру, как взаимоотношения внутри Святой Троицы, обсуждались со страстью, свойственной ранней христианской церкви. Как-то раз профессор богословия попросил освободить его от должности, поскольку его обязанности включали написание такого большого количества противоречивых памфлетов, что у него стало падать зрение.

Поскольку идеи, породившие Реформацию, оказались недостижимыми и утратили силу, люди все чаще стали стремиться к спасению, придерживаясь строгих требований ортодоксальной доктрины. В стране, где религия менялась вместе с местным правителем, фанатизм, порожденный утратой иллюзий, повлек за собой особенно опасную форму гражданской войны. Не случайно религиозные войны в Германии длились так долго, сократили население с шестидцати до шести миллионов, и в 1648 году, когда они наконец закончились, страна оказалась разделенной на 234 территориальные единицы.

Последующая история Германии определялась тем фактом, что в Средние века процесс политической консолидации не был доведен до конца. Поэтому, если в Западной Европе процесс секуляризации, известный как Реформация, укрепил власть центральных королевских правительств, на землях, населенных германцами, он имел обратный, разрушающий эффект. Так или иначе, Британия и Франция обладали определенными, присущими им естественными преимуществами, отсутствовавшими у Германии, – более ровным климатом, четко определенными границами, географическим положением на новых торговых путях. Но факторы, давшие Британии ее доминирующее положение и сделавшие ее ареной технологического прорыва, известного как «промышленная революция», явились следствием достижений норманнов, Плантагенетов и ранних Тюдоров. Три главных стимула, легших в основу этой революции, – накопление капитала (с институтами для перевода его от накопителей к достойным распорядителям), технические инновации (которые предполагали накопление знаний и являлись особенно важными применительно к энергетике и связи) и рост населения. Важное предварительное условие возникновения этих трех стимулов – стабильное и эффективное правительство, которое заботится о безопасности, мире и ясной надежной правовой системе. Случай, или, если угодно, каприз истории, поместил Великобританию в особенно благоприятное положение для создания такого правительства и всего, что с ним связано. Постоянно ускоряющееся развитие включало раннее увеличение числа городских купцов и технических специалистов, класса людей, обладавших доходами, намного превышающими прожиточный минимум и имеющих собственную индивидуалистическую культуру. Это, в свою очередь, означало, что разрушительный конфликт между монархией, тяготеющей к абсолютизму, и буржуазией, несущей с собой зародыши народного государства, в Британии начался рано и был решен в пользу народного государства. Сдвиг власти усилил ощущение всеобщей причастности, которое возникло и постепенно росло при относительно просвещенном королевском правительстве со времен Средневековья. Появившаяся в результате социальная сплоченность (или, если использовать более привычный термин, патриотизм) значительно укрепила международное положение государства. Да, королевскую власть на время сменила власть олигархии. Но олигархия никогда не была замкнутой и черпала ресурсы из своей связи с коммерцией. Кроме того, в ней никогда не гасла искра либерального кредо. Когда социальная трансформация, вызванная промышленной революцией, начала набирать силу, в рядах правящей элиты было достаточно людей, веровавших в принцип свободы, чтобы повести за собой тех, кто недоволен. Они смогли дать обоснованную надежду на то, что необходимые перемены могут быть достигнуты реформами изнутри, а не революцией извне.

В Германии, напротив, предварительные условия для такого развития событий отсутствовали. Развитие новых торговых путей, принесшее такую выгоду Британии, превратило Германию в экономическую тихую заводь, причем как раз в то время, когда средние классы могли стать господствующей политической силой, как они уже были господствующей экономической силой в Центральной Европе. Жизни и собственности не были в безопасности, правосудия было трудно добиться. Численность населения снижалась, а не росла, торговля чахла, а вместе с ней и торговые классы. Понимание общих интересов, чувство, что человек является хозяином своей судьбы, вера в способность контролировать окружение – все это отсутствовало. В то время как Британия вступала в самый замечательный период своего развития и ее связи

распространялись по всему миру, Германия находилась в стагнации. Последствия оказались далекоидущими.

Восемнадцатый век

Германии потребовалось столетие, чтобы прийти в себя после Тридцатилетней войны (1618–1648). Для этого периода характерным было иностранное, в первую очередь французское, вмешательство в политику, а итальянское влияние господствовало в культуре. Это был период деспотичного правителя, которого поддерживала армия наемников, – необходимый эпизод в восстановлении общественного устройства, хотя едва ли вдохновляющий. Среди основных забот правителя можно назвать религиозные взгляды подданных. Раздоры, вызванные влиянием религии на политику, были усмирены тем, что оказались отданными «на откуп» отдельным частям государства. Правда, это решение увеличило различия между разными частями Германии. На севере и востоке, где господствовали протестанты, религия была ограничена личными отношениями индивида с Богом, и ее влияние на отношения между людьми не приветствовалось. Результатом стало личное благочестие, а не христианские действия. Такая атмосфера больше благоприятствовала музыкантам, чем социальным реформаторам. На юге и западе католицизм восстановил свое влияние. Этому способствовала верность Габсбургов римской вере и желание торговых городов, сражавшихся за жизнь против переноса торговых путей на Северное море и в Атлантику, сохранить любой ценой связи со Средиземноморьем. Тем самым эти части Германии оказались на орбите Контрреформации, по мере того как это движение распространялось из Испании и Италии через католическую Европу. Оно принесло с собой искусство барокко.

За исключением Пруссии, ни одно из германских государств не достигло успехов, способных вдохновить своих подданных (большинство из которых не только не участвовали, но и не имели никакого отношения к правительству), вселив в них чувство гордости за свою страну и преданности ей. Средние классы оставались слабыми и состояли по большей части из чиновников, учителей и клерков, а не из купцов и тем более промышленников. Между тем именно в этих кругах появились первые признаки национального возрождения, принявшие форму академического протеста против французского космополитизма, восстановления ценности германской учености и германского культурного наследия. Общий язык и общая история, два величайших наследства, оставленных средневековой Европой современной Германии, постепенно начали признаваться важнейшими связями, объединяющими жителей множества политических образований, на которые раскололась территория государства. Глядя на мир вокруг них, эти жители регионов, достигших некоторого уровня национального самосознания, видели, что в других местах узы языка и культуры стали краеугольными камнями самых успешных политических сообществ. Во Франции и Британии (и в меньшей степени в Испании, Голландии и Скандинавии) национальные чувства выросли спонтанно, как лояльность гомогенной социальной структуре, которая развилась под властью прочного центрального правительства и принесла самый высокий уровень процветания, который когда-либо видел мир. Немцы постепенно стали понимать, что, поскольку у них есть общий язык и культура, целесообразно иметь и общее правительство, отсутствие которого и есть главная причина их невыгодного положения. Таким образом, немецкий национальный дух рос сознательно, базируясь на намеренной имитации того, что совершенно ненамеренно имело место в других местах, и черпая эмоциональный импульс из недовольства контрастом. Во Франции и Британии факты предшествовали и формировали основу теории. В Германии теория была принята в готовом виде интеллектуальной частью населения и стала идеалом, к которому требовалось изменить и приспособить факты. Из этого положения всего лишь один шаг до чувства, что судьба обошлась с Германией плохо и потому эту судьбу следует изменить насильственным путем. Немецкий историк

Трейчке жаловался на отсутствие «солнечного света» в немецкой истории и считал, что средневековое германское имперское величие растаяло, как «сон в летнюю ночь».

Тем временем Пруссия развивалась в ином, во многих отношениях противоположном направлении в сравнении с остальной Германией. Великий магистр Тевтонского ордена во время Реформации был человек, принадлежавший к младшей ветви Гогенцоллернов. Лютер посоветовал ему отказаться от клятв, ликвидировать орден, жениться и основать династию; эту программу он выполнил полностью. Но в начале семнадцатого века его династия прекратила свое существование, и прусское герцогство слилось с владением курфюрста Бранденбурга. И хотя крестьян, которые были необходимы для колонизации славянских земель, подвергались искушению обещаниями исключительных свобод от манориальных обязанностей, разнообразные силы, действовавшие в эпоху Средневековья, в конце концов вернули их в состояние рабов, привязанных к земле. Города пришли в упадок, за исключением нескольких портов, через которые излишек зерна, которое выращивалось в крупных поместьях, ввиду отсутствия спроса на местах, отправлялось на запад. Средние классы, по сути, отсутствовали, и в течение двух веков в стране безраздельно правила юнкерская аристократия.

Во время правления Великого курфюрста (1640–1688) Гогенцоллерны стали постепенно брать верх. В 1701 году его сын Фридрих стал королем Пруссии. Династия основывала свою деятельность на следующем принципе: такое государство, как Пруссия, имеющее умеренные размеры, может процветать, только если является достаточно сильным, чтобы использовать разногласия между его более крупными соседями. Учитывая ограниченные ресурсы Пруссии, необходимые минимум силы, который требуется для этой политики, может быть получен только при строжайшем внимании и контроле за их использованием. Ситуация во многом схожа с той, что сложилась в Советской России в 1930-х и 1940-х годах и в других развивающихся странах Азии и Африки сегодня. Но основной промышленностью, на которую уходили все плоды экономии, была военная. И поскольку наемники были слишком дороги, Пруссия опередила революционную Францию, создав национальную армию. На это Фридрих Великий (1712–1786) истратил две трети своих доходов. В армии должна была служить одна шестая часть взрослого мужского населения. Ко времени его смерти прусская армия была практически такая же, как французская. Ее офицерскому корпусу было свойственно высокое чувство долга, которое заставляло офицеров, из уважения к себе и своему предназначению, выносить трудности, опасности и даже смерть, не отступая и не ожидая награды. Король верил, что подобное чувство чести можно найти только среди феодальной знати, а не у других классов, и уж точно не у буржуазии, которая руководствуется материальными, а не моральными соображениями и слишком рациональна в моменты катастрофы, чтобы считать жертву необходимой или достойной похвалы. Гражданская администрация являлась, в сущности, подразделением армии. Высшие чиновники набирались из того же класса высшей знати и должны были выказывать ту же безусловную покорность королю.

Такой абсолютизм сдерживался тремя аспектами. Во-первых, правительство страны находилось в числе самых современных в Европе, руководствовалось новейшими идеями рационализма восемнадцатого века и терпимо относилось к почти любым религиозным взглядам. Это правда, что у отдельного среднего индивида не было в нем права голоса, но рациональные люди всегда склонны предпочитать хорошее правительство самоуправлению. Во-вторых, король принимал те же законы, которые устанавливал и считал себя слугой народа. Когда верховный правитель – посредственность, вся система функционирует из рук вон плохо. Но среди Гогенцоллернов было намного больше хороших правителей, чем средних. И наконец, Пруссия добилась успеха: она быстро росла и увеличивала свой международный престиж. Человеческое нежелание отличаться от толпы само по себе достаточно, чтобы объяснить, почему самое деспотичное государство Германии также стало единственным, которому удалось пробудить в подданных преданность и чувство национальной независимости.

Такова была среда, в которой была сформулирована философия Канта (1724–1804), которого кайзер однажды назвал «нашим величайшим мыслителем» (хотя можно поспорить, прав ли он был, добавив еще и прилагательное «самый понятный»). Кант, у которого были проблемы с властями, пытался примирить в обстоятельствах, существовавших в Пруссии восемнадцатого века, родственные понятия «свобода» и «порядок», а в области знаний он хотел примирить свободу с всеобщей причинной связью, обусловленностью, которую видел в природе. Он утверждал, что главным фактором, отличавшим человека от животного, является его интуитивное осознание внутреннего морального закона. Человеческое поведение следует оценивать не по природе и последствиям его действий, а по лежащим в их основе мотивам. Действие морально, если оно мотивировано причиной. Проверка такой мотивации – может ли принцип, заключенный в действии, иметь всеобщее применение. Если лежащий в основе принцип может иметь такое применение, значит, сам акт является абсолютно незаинтересованным, а таковыми должны быть все моральные акты. «Категорический императив» – принуждение к действию без каких-либо условий. Человек всегда должен вести себя так, чтобы его действия могли стать основой для всеобщего закона. Симпатия и сострадание должны исключаться, как мотив морального действия. Человек должен стремиться к идее нравственно совершенного закона. В этом, по Канту, состоит добродетель, которая коренится исключительно в незаинтересованном действии, ориентированном на всеобщее благо. Возможно, отправной точкой мышления Канта была его ненависть к тирании. Но в попытке сделать внешних тиранов ненужными индивид должен был взвалить на себя еще более строгий кодекс, чем король Пруссии взваливал на своих подданных. Свобода человека – это способность преодолевать природные склонности, борьба с личным эгоизмом.

По Канту, сопротивление государству может считаться оправданным, если в принципах государства отсутствует всеобщее применение. Осталось только перенести место разума от индивидуального сознания к сообществу, как это сделал Гегель (1770–1831), и мир оказался перед парадоксом: только в покорности государству индивид может быть по-настоящему свободен. Возможно, из-за того, что западноевропейские правительства были в целом сильными и прочными, политические теоретики стремились подчеркнуть свободу и права индивидов. В Центральной и Восточной Европе, где необходимость в сильном правительстве была видна, как говорится, невооруженным глазом, предпочтение отдавалось порядку и правам государства.

Понятно, что возвышение прав индивидов за счет власти правительства ведет к эгоизму и анархии, а возвышение власти государства без учета прав индивидов – к деспотизму и несправедливости. Идею установления равновесия между ними легче сформулировать, чем исполнить. Равновесия можно достичь вербально, заявив, что высшая свобода заключается в подчинении закону, как воплощению разума, и что социальная свобода является составной частью, а не сдерживающим фактором силы государства. Но эта формула весьма коварна (особенно когда она выражена языком, трудным для понимания простым человеком) и на практике имеет тенденцию отклоняться в одном из двух направлений. Или существующий закон подвергается нападкам от имени свободы, как ошутимо неадекватное воплощение разума. Или требуется покорность – от имени разума – закону, приравненному к текущим требованиям правительства, даже когда это делается за счет индивидов. Оба отклонения имели место в Германии в девятнадцатом веке. Главный поток мыслей постоянно склонялся некритическому утверждению правильности того, что происходит; противники status quo, которым мешало отсутствие политического опыта, доводили требование свободы до абсурда.

Французская революция и ее последствия

Кайзер однажды говорил об унижениях, которым подверг Германию «корсиканский выскочка», и его жалоба иллюстрирует неприятие Франции, распространенное в его стране

на протяжении всего девятнадцатого века. Французская революция дала Германии – и всему миру – беспрецедентную демонстрацию результата, который может быть достигнут решительным фанатичным правительством, способным вселить энтузиазм в свой народ и, таким образом, мобилизовать все ресурсы страны. Перед лицом этого урагана космополитический рационализм Веймара Гёте и спартанская дисциплина Потсдама Фридриха оказались несерьезными. Результатом стала волна романтического недовольства «просвещением» и широко распространенное (и никоим образом не всеобщее) желание подражать Франции, используя национальную идею для политических целей и обеспечивая, если необходимо, политическими уступками народную поддержку войны за освобождение и даже объединение Германии. Революцию необходимо делать собственным оружием. Проблема, занимавшая патриотов, заключалась в том, как поднять энтузиазм населения и вселить в него решимость, которая сметет все препятствия. Клаузевиц, сформулировавший свои взгляды примерно в это время, в первую очередь задавался вопросом, как общество, основанное только на культурной основе, может превратиться в общество с политической волей, обладающее самосознанием национальное государство, способное защитить себя, заботящееся о свободе и международном престиже.

В качестве шага к этой цели в годы, последовавшие за поражением при Йене в 1806 году, имела место масштабная перестройка прусской системы – в основном непруссаками на службе у короля. Были ликвидированы устаревшие экономические нарушения, города получили некоторую долю самоуправления, а рабы – свободу. Профессиональная регулярная армия, на размер которой Наполеон установил ограничение, была реорганизована и дополнена ландвером – народным ополчением. Были созданы начала Генерального штаба. Реформаторы были готовы пожертвовать другими ценностями ради восстановления Пруссии, как независимой европейской державы.

Та же атмосфера благоприятствовала развитию акцента на индивидуальность народов, который отличал германскую политическую мысль в течение следующего столетия. Академический интерес к национальным характеристикам получил политическое применение. Это имело место, как реакция против универсализма просвещения, против доминирования Франции в делах немцев и против наполеоновской попытки объединить Европу. Такой взгляд был близок немцам, поскольку доктрины естественного закона с их упором на универсализм, никогда не получали такого развития в Центральной Европе, как в Западной Европе. Каждый народ считался отдельной сущностью с четко выраженными характеристиками и возможностями. Различия были важнее, чем сходства. Более того, скорее государство, чем индивид, считалось воплощением национальной идентичности и, в качестве такового, хранилищем всеобщих ценностей. Не могло быть более высокой и всеобщей власти, и потому финальным арбитром между государствами должна была стать сила (хотя путь к этому выводу был зачастую сглажен поверхностным оптимизмом, предполагавшим, что государства, в которых национальная воля, а не прихоть правителя является главенствующей, будут иметь аналогичные взгляды на мировую политику, а значит, жить в мире друг с другом). И здесь снова ключевой фигурой стал Гегель. Его политическая философия – наиболее убедительное выражение интеллектуального движения, которое заменило старые связи и идеалы европейского универсализма жесткой индивидуализацией международной сцены.

Гегель, по рождению шваб, был профессором в Берлинском университете, основанном в 1810 году Вильгельмом фон Гумбольдтом в рамках прусского возрождения. В стране, где национализм стал интеллектуальным упражнением, университеты играли очевидную политическую роль. Но Берлин, безусловно, по праву заслужил название «Первого гвардейского полка учености». Он стал интеллектуальной оранжереей, в которой выросли такие мыслители, как Гегель, Ранке, Дройзен и Трейчке. Эти люди создали отдельный характерный взгляд на мир, который Германия в будущем сделала своим евангелием, сложную и гармоничную альтерна-

тиву рациональному индивидуализму, берущему начало в грекоримских традициях. Возрождение германской нации началось не у алтаря, а в университетских аудиториях.

Собрать разбитую вдребезги Германию оказалось не по силам Венскому конгрессу. Количество отдельных политических единиц сократилось примерно до тридцати, а правителям Баварии, Саксонии и Вюртемберга было позволено сохранить королевский титул (Ганновер тоже возвысился до ранга королевства). В последний момент Пруссия, в качестве компенсации за уступку ряда своих польских завоеваний России, получила значительные рейнские территории, в которых была не слишком заинтересована и для которых ее ограничительные методы оказались совершенно нежеланным контрастом в сравнении с двадцатью предыдущими годами французского правления. (Один результат – ввести в пределы ее границ шесть миллионов римских католиков, одни из которых – поляки.) Но народные движения, внесшие большой вклад в победу, получили лишь малую толику ее плодов. В Пруссии работа патриотов осталась наполовину недоделанной. Беднейшие крестьяне остались экономически зависимыми от землевладельцев-юнкеров, землей все так же владели юнкеры, а муниципальные реформы только расширили брешь между городом и деревней. Ландвер сохранился, но на него косо смотрели профессиональные солдаты, которые вошли в закрытую офицерскую касту со специальными привилегиями и судами чести. Никто не мог получить офицерское звание, даже от короля, если не прошел обучение в кадетской школе или, вступив в армию волонтером, не был выдвинут своим командиром. Энтузиазм не подпитывался удовлетворением, и естественным результатом стало чувство неудовлетворенности.

У немецких националистов до марта 1848 года не было объединяющей идеи. Самым очевидным шагом к обеспечению германских народов своим собственным государством являлось возрождение империи. Но даже если бы она не была официально ликвидирована Наполеоном, оставалась в руках династии, интересы которой были только частично немецкими и которая уже не сумела вселить объединяющий дух преданности в многочисленные народы, населявшие ее территорию. Менее трети империи Габсбургов было включено в Германскую конфедерацию, созданную как свободный союз в 1815 году, и из двенадцати миллионов, вошедших в состав конфедерации, почти половина были славянами. Правители Австрии, с одной стороны, не желали рисковать утратой своих интересов за пределами Германии, став во главе объединения немцев, с другой стороны, чувствовали, что объединенная Германия отодвинет их власть в тень. Более того, истинное объединение потребует отделения германских подданных Габсбургов от негерманских и присоединения к новому государству только первых. Поэтому Габсбурги не желали сами объединять Германию и не намеревались позволить это кому-нибудь другому. Таковую позицию они могли рассчитывать сохранить, лишь пока германскому национализму не будет хватать поддержки. Другие германские правители, за исключением разве что короля Пруссии, находились в том же положении. Некоторые из них, как, например, в Баварии, сумели завоевать преданность местного населения, но оно было недостаточно сильным, а их земли недостаточно большими, чтобы обеспечить фундамент для национального государства. Объединенная Германия означала бы конец их собственной независимости. Они могли надеяться лишь на то, что их элита будет в достаточной мере осознавать свои германские качества, чтобы не допустить в свою среду бескомпромиссной оппозиции. Пруссия – другое дело.

Собственно Пруссия (в отличие от Бранденбурга) располагалась за пределами границ Священной Римской империи. Но к 1815 году король Пруссии приобрел так много территорий в Германии, что германское единство стало невыносимым, по крайней мере без ее согласия. Более того, в Силезии и Руре на этих территориях находилось два главных источника угля в Европе. Только лидеры германского национального движения, основываясь на примере англичан и французов (других не было), считали само собой разумеющимся, что национальное государство будет иметь либеральную конституцию, и потому связывали объединение с созданием ответственного представительного правительства. Требование этого, по сути, стало началом

давления, направленного на адаптацию германской политической структуры не только к французской, но также к промышленной революции. Zollverein, он же Таможенный союз, созданный в 1828–1835 годах при лидерстве Пруссии (но без Австрии), помог ускорить технологические перемены. Но они почти не затронули провинции Пруссии, расположенные к востоку от Эльбы. Здесь влияние среднего класса было слабым, правящую элиту составляли землевладельцы, офицеры и чиновники, набранные из класса землевладельцев, и, как было видно, культура, которая развивалась, имела иные корни, помимо либеральной индивидуалистической традиции. Либерализм, весьма далекий от привлечения прусской элиты, более того, являлся анафемой для большинства из них. И вместо того, чтобы заплатить соответствующую цену за перестройку своего общества, чтобы стать германскими лидерами, они предпочли ничего не менять. В любом случае они опасались принять курс, заключающий в себе большой риск столкновения с Австрией, остававшейся номинальным лидером германских народов, и с Францией, чье место в Европе не могло не быть ослаблено подъемом сильной единой Германии.

Величайшей ошибкой либералов до 1848 года была неспособность осознать важность наличия в своем распоряжении организованной силы. Она объяснялась не только отсутствием практического опыта, хотя это определенно мешало. Доктринерские теории, позаимствованные в Англии и других странах, породили страх, что любая армия, помимо национального ополчения, станет угрозой для свободы личности. Соответственно, либералы не только не сумели организовать горожан в силу, которая смогла бы противостоять армии короля (хотя этот процесс начался в Берлине в 1848 году), но также они не сумели дать Германии или Пруссии, которые дали бы возможность не обращать внимания на Австрию. В результате демократы были унижены принцами во Франкфурте в 1849 году, а Пруссия оказалась униженной Австрией Ольмюцким соглашением 1850 года. После этого либеральное дело могло вообще развалиться, если бы экономические течения не укрепили средние классы. Впрочем, в любом случае его приверженцев было слишком мало, чтобы взять верх. Историк Зибель в 1863 году писал, что «пруссские министры имели деньги и солдат и старую административную систему с избытком реакционных сил; что касается нас, у нас вообще не было материальных сил, а значит, мы никак не могли добиться быстрого успеха... Нельзя найти ни одного человека в Пруссии, который не посчитал бы любую мысль о насилии глупой и преступной, поскольку она немедленно подавлялась».

Группы, противостоявшие либералам, не были слабыми, некомпетентными или нерешительными. Они считали себя спасителями Германии от хаоса в 1848–1850 годах, благодаря своей твердой позиции, и не видели причин не повторить то же самое в будущем. Более того, средние классы начали сомневаться в своей способности удерживать революцию в границах. Борьба за свержение политической власти землевладельцев в Германии была отложена на целую эпоху, во время которой начало пробуждаться самосознание рабочего класса. Маркс учил пролетариат использовать буржуазную революцию как шаг к диктатуре пролетариата. Не в последний раз немцы, которые желали позволить своим соотечественникам управлять своей судьбой, уклонились от действий, необходимых для этого, из страха, что, когда движение наберет силу, оно пойдет дальше поставленной цели. И в самом деле, будь либералы достаточно сильны, чтобы дать бой, результатом могла стать большая гражданская война, в которую постепенно втянулось бы большинство Европы с воистину катастрофическими последствиями для экономического и социального развития.

Тем не менее стремление к единству Германии распространялось все шире, и в 1859 году оно еще более усилилось благодаря примеру Италии. Неспособность добиться единства в 1848–1850 годах усилила чувство разочарования у немцев и спровоцировала реакцию против того, что считалось непрактичной политикой, ответственной за неудачу. Многие из тех, кто достиг зрелости в 1850–1870 годах, были не только одержимы идеей объединения, но также убеждены, что все препятствия может преодолеть только политика реализма – Realpolitik. Реа-

лизм влек за собой трезвую переоценку ценностей и готовность пожертвовать ради высшей цели всем остальным. И тогда как после 1806 года уступки делались либерализму за счет национализма, теперь речь шла об уступках консерватизму. Первенство, которое эти мужчины и женщины отдавали национальному делу ради, если потребуется, свободы – один из господствующих фактов следующих семи десятилетий. Это поколение дало Германии лидеров на период между 1880 и 1914 годами. Миру пришлось заплатить высокую цену за упорство, с которым он сопротивлялся и, таким образом, задержал объединение Германии.

После 1848 года все указывало на Пруссию как на центр германского единства и на нехватку международного влияния как цену сохранения раздробленности. Только прусская элита все еще опасалась, что объединенная Германия будет означать крах всего, что имело для нее ценность, а другие германские государства слишком гордились своей независимостью, чтобы стремиться к положению прусской провинции. Более того, всегерманское правительство, чтобы заслужить это название, должно было стать ответственным за оборону и внешнюю политику территорий. Именно эти две прерогативы и, таким образом, контроль за судьбой королевства были тем, от чего прусская элита была менее всего готова отказаться. Хотя в 1858 году в Пруссии появилось более либеральное министерство, история последующих двух лет наглядно показала, как глубоко укоренилась оппозиция. Решающее столкновение зависело от решения вопроса, какую форму примет армия и откуда будет осуществляться контроль за ней. Элита считала армию личным делом главнокомандующего, короля и по этой причине сопротивлялась попыткам прусского парламента регулировать расходы на нее или определять условия службы. За вопросом, сколько должны служить рекруты, два года или три, из-за которого велись нешуточные столкновения, стояли усилия личных советников короля, возглавляемых военным министром фон Рооном, завершить аннулирование реформ 1806–1814 годов и превратить ландвер в резерв регулярной армии. Раньше военные власти старались адаптировать свою организацию к гражданскому мировоззрению, теперь они отступали перед лицом гражданских убеждений, но всячески старались искоренить их, дав нации систематическое военное образование. Человеком, меньше всего готовым к компромиссу, был король Вильгельм. Он скорее отречется от престола. Он распустил парламент, оппозиция вернула былую силу, однако король еще не сдался. Его упорство могло потрясти страну до самых основ и сделать его имя примером социального ущерба, который может нанести неуместная неуступчивость.

Король Вильгельм был не только спасен от такого предназначения, но и через восемь лет возвысился до положения германского императора. Человеком, по большей части ответственным за эту трансформацию, был, разумеется, гений-невротик с рыжими усами по имени Отто фон Бисмарк. Тейлор писал, что «он был высокообразованным искушенным сыном высокообразованной матери из среднего класса, всю жизнь маскировавшимся под своего тупоголового отца-юнкера». Он был достаточно прозорливым, чтобы признавать неизбежность единства Германии в той или иной форме, и что перед Пруссией стоит вопрос не о том, надо ли это делать, а как это делать. Не желая принимать условия кого-то другого, он произвел серией импровизаций то, что, по сути, было захватом Германии Пруссией. В войне 1866 года, с помощью стратегических талантов Мольтке и перестроенной прусской армии, он преодолел сопротивление Австрии объединению Германии при лидерстве Пруссии, а в войне 1870 года – сопротивление Франции. Он приложил усилия, чтобы эти войны остались местными, и не позволил им перерасти в европейский конфликт. Но в дополнение он поставил Пруссию в положение, когда она больше не могла отказываться стать лидером Германии и в котором ни другие принцы, ни либералы не могли отказаться принять прусское господство. Исключение австрийских немцев из объединенного германского государства в любом случае увеличило шансы этого государства на доминирование в нем протестантского севера, а не католического юга, что помогло успокоить прусские страхи. Наконец, в 1866 году была написана конституция Северогерманской конфедерации, которая после адаптации в 1871 году стала конституцией Герман-

ской империи. Бисмарк сотворил компромисс, который дал всем группам большую часть того, что они желали и считали для себя приемлемым. Тем не менее довольно трудно рассматривать этот эпохальный результат, не думая о воле случая и прихоти судьбы. Когда рождается гений, он почему-то, как правило, действует на стороне консерваторов. Если бы у либералов в 1848 году были Бисмарк или Ленин, мир мог бы стать совершенно другим. Но неужели отсутствие подобного человека объясняется только случайностью наследственности? Или в культурном климате Германии было что-то, делавшее невозможным для реалиста стать либералом?

Бисмаркское урегулирование

Самой очевидной из перемен 1871 года было провозглашение короля Пруссии германским императором. Но это продвижение сделало его только старше, но не главнее, чем другие германские принцы. «Император – не мой монарх, – говорил вюртембергский политик. – Он всего лишь командир моей федерации. Мой монарх в Штутгарте». Многие действительно считали, причем не без некоторых законных оснований, что принцы подчинены скорее империи, чем императору, и в первую очередь федеральному совету – бундесрату. В этот орган, который заседал при закрытых дверях, каждое правительство отправляло делегацию, пропорционально своей важности. Хотя все голоса каждой делегации учитывались, они голосовали блоком (как в коллегии выборщиков на выборах президента США). Из 58 членов было 18 выходцев из Пруссии, шесть из Баварии и по четыре из Саксонии и Вюртемберга. Поскольку ни одно предложение по изменению конституции не могло пройти, если против было подано четырнадцать голосов, такая система давала или Пруссии, или южногерманским государствам, действовавшим вместе, гарантию против реформ, которые они не одобряли. Требовалось согласие бундесрата до того, как законодательный акт передавался в рейхстаг, и с ним велись консультации по всем важным вопросам внешней политики, включая объявление войны.

Существовало намерение сделать бундесрат правящим органом империи. Если так, оно осталось неосуществленным, и совет быстро утратил влияние. В 1914 году его поставили в известность уже после объявления войны. Власть все больше переходила в руки его председателя, имперского канцлера, который одновременно являлся министром-президентом Пруссии, главой прусской делегации. Там не было имперского кабинета министров, как его понимали в Британии. Государственные секретари иностранных дел, внутренних дел, финансов, правосудия, почты (а позднее военно-морского флота) считались чиновниками, подчиненными канцлеру. Не было федерального военного министра. Прусский военный министр выступал как председатель комитета по вооруженным силам бундесрата и в федеральном парламенте выступал от его имени. Все потому, что прусская армия оставалась напрямую подчиненной королю, хотя в ней были и войска из некоторых других регионов. Армии Баварии, Саксонии и Вюртемберга сохранили разные степени независимости, хотя император мог перевести офицера из любой из них в прусскую армию, независимо от желания этого самого офицера. Прусская палата лордов и парламент – ландтаг – оставались неизменными. Голоса на выборах в ландтаг зависели от богатства голосующего, что обеспечивало большинство имущим классам. Прусские министры иногда совмещали свою работу с обязанностями соответствующего имперского государственного секретаря (канцлер всегда был министром иностранных дел Пруссии, и внешняя политика Пруссии ограничивалась ее отношениями с другими государствами империи).

К этой сложной и консервативной структуре, однако, Бисмарк, позаимствовав конституционные идеи 1848 года, добавил нижнюю палату – рейхстаг, избираемую всеобщим прямым голосованием. Ничего подобного в 1870 году в других европейских государствах не было. Такой радикализм встревожил консерваторов, так же как неуспех в установлении различий между государствами при организации членства. Рейхстаг, однако, вполне оправдал описание, данное ему социалистом Вильгельмом Либкнехтом, который назвал его «фиговым листком

абсолютизма». Помимо того факта, что на протяжении практически всего своего существования он обеспечивал большинство, готовое голосовать за существующий режим, его власть имела три роковых изъяна. Он не мог инициировать разработку закона, он не назначал канцлера и на раннем этапе был вынужден сократить свои полномочия касательно финансирования обороны. Рейхстаг отражал общественное мнение и мог заблокировать правительственные предложения, включая налогообложение, не допустив принятия соответствующего закона. Но он не мог навязать собственные желания. Партии могли сколько угодно критиковать, но у них не было шанса осуществить свои политические линии. Депутаты никогда не становились министрами, и вообще членство в рейхстаге по закону было несовместимо с занятием должности. Поэтому амбициозные и талантливые люди не стремились на выборы. Рейхстаг собирал император. Он должен был собираться каждый год и переизбираться каждый третий год. Император мог в любое время распустить его при согласии бундесрата. Судя по всему, конституция, по крайней мере частично, была создана по образу и подобию Голландской республики. Бисмарк всю жизнь дружил с американцем Джоном Мотли, который писал ее историю.

Таким образом, Бисмарку удалось добиться невозможного и создать конституцию, которая была, по крайней мере внешне, одновременно либеральной и диктаторской, германской и прусской, федеральной и централизованной. Но даже гений Бисмарка не мог удалить конфликтующие силы, блокирующие прогресс. Его функция была скорее дипломатическая – найти решение, при котором они были бы вынуждены работать вместе. Только Бисмарк искал не временный компромисс. Ему надо было дать каждой заинтересованной стороне уверенность, что ситуация не трансформируется ей в ущерб. Как и во всех федерациях, его институты имели тенденцию к заморозке баланса сил на конкретный момент. Но только в политических силах участвуют люди, которые не допускают заморозки надолго. Проблема на будущее заключалась в том, насколько новые меры допускали адаптацию к росту, который был неизбежен, особенно в стране, включившейся в травматический процесс экономического подъема. Тем временем имели место определенные аспекты, обещавшие неприятности.

Согласно конституции, император назначал имперских чиновников, включая канцлера. Таким образом, занятие ими должности зависело не от доверия большинства в рейхстаге, а от воли – можно даже сказать, каприза – императора. «Не забывайте, – писал проницательный фон Бюлов, – что Бисмарк – это роза, у которой император стебель». Или, как сам Бисмарк однажды сказал в рейхстаге, роль министра – только исполнять, формулировать, а королевская воля остается решающей. Правда, другой параграф конституции требовал, чтобы канцлер визировал и принимал на себя ответственность за все королевские указы и декреты, которые считались недействительными без такого подтверждения. Однако, говоря словами Бисмарка, «если у императора есть канцлер, который не может принять на себя ответственность за тот или иной акт императорской политики, он может его уволить в любой момент. Император намного свободнее, чем канцлер, который не может сделать ни одного шага без императорской санкции». Довольно редко случался недостаток кандидатов, желающих занять место канцлера, особенно если это был вопрос несогласия с рейхстагом. На практике главное ограничение императорской свободы заключалось в том, что скажет общество, если канцлер будет меняться слишком часто. В теории, конечно, рейхстаг мог заставить императора, отказавшись голосовать за меры того или иного канцлера, который не является их номинантом. Но прусский парламент не остался в выигрыше, когда попытался в 1863 году, опасаясь увеличения налогов, бойкотировать проект военной реформы, которую он не одобрял. Большинство депутатов, так или иначе, отрицательно реагировали на идею навязать императору канцлера по своему выбору. В этом отношении германская политика была ближе к политике Британии 1760-х, а не 1870-х годов. Обязанностью каждого лояльного подданного считалось уважительно прислушаться, если и не отдать свой голос, к человеку, которого император выбрал канцлером. Решение, кто будет управлять страной, не является частью бизнеса политиков.

Зависимость от императора далеко не единственная проблема, с которой сталкивался человек, совмещавший должности канцлера Германии и прусского министра-президента. Ему приходилось работать одновременно с двумя парламентскими органами, имперским рейхстагом и прусским ландтагом, причем каждый из них выбирался на разной основе. Как он мог это сделать, если политические трудности все больше не совпадали? Более того, хотя большая часть обязанностей канцлера относилась к внешней политике (определенной по очевидным причинам в конституции как дело федерального уровня), он не имел права контролировать вооруженные силы, подчинявшиеся непосредственно императору. В приказах, касающихся армии и флота, не должно было быть визы канцлера. В 1859 году прусский король (впоследствии ставший первым императором) сказал: «В такой монархии, как наша, военная точка зрения не должна подчиняться финансовой и экономической, поскольку от этого зависит европейское положение государства». Фон Роон утверждал, что сердце прусского солдата не вынесет мысли, что воля его короля и господина может починиться другому. Во время войн 1866 и 1870 годов Бисмарк, несмотря на его готовность надеть форму кирасира, испытал большие трудности в получении доступа к военным планам и обеспечении их соответствия дипломатической ситуации. Тем не менее он поддерживал отстранение канцлера от контроля над армией и флотом, поскольку это может привести к вмешательству рейхстага в дела стратегии, что, по его мнению, было чрезвычайно опасно для национальной безопасности. И если канцлер не имеет необходимых полномочий для координации военной и политической линий, возможность их согласования есть только у императора.

Кроме того, если говорить об иностранных делах, представлялось маловероятным, что французы когда-нибудь забудут или простят поражение 1870 года и утрату Эльзаса и Лотарингии. По словам Гамбетты, даже если они никогда не говорили об этом, то всегда думали. Социалистические лидеры Либкнехт и Бебель и Карл Маркс в Лондоне считали аннексию серьезной ошибкой. Бисмарк не хотел брать франкоговорящую часть Лотарингии, но военные вынудили его смириться. Позже он утверждал, что постоянно пытался заставить французов простить Седан, как после 1815 года они простили Ватерлоо. Но та самая война, которая казалась ему приемлемым, если не желательным решением целого комплекса трудностей, как выяснилось после ее завершения, создала другой ряд трудностей, ничуть не менее серьезных. С 1870 года и далее Германии приходилось держать Францию в изоляции и потому поддерживать хорошие отношения со всеми остальными странами. Альтернативой был риск войны на два фронта. Успех этой политики был напрямую связан с взаимоотношениями между оставшимися державами. Если две из них ссорились и каждая требовала поддержки Германии, та, что считала себя лишенной такой поддержки, немедленно становилась потенциальной союзницей Франции. Ситуация еще более усложнилась не самым очевидным результатом 1870 года. Объединение германских народов в единое государство имело одну зияющую брешь: оппозиция Пруссии и Габсбургов процессу сделала невозможной включение германцев, живших в Австро-Венгрии. Но пример Германии неизбежно придавал импульс подъему национальных чувств в Восточной Европе. Габсбурги не сумели вызвать у своих подданных верность Австрии, так же как стереть из их памяти верность прежним хозяевам. Речь идет не только о германцах, но также о мадьярах, чехах, поляках, сербах и т. д. Любое принявшее широкие масштабы требование самоуправления на национальной основе в перспективе являлось несовместным с эффективным функционированием и даже угрожало самому существованию Австро-Венгерского государства. В 1867 году мадьяры установили самоуправление в Венгрии; перспективы австрийских германцев поддерживать превосходство над славянами представлялись сомнительными. Слабость Габсбургов и жажда французами реванша в перспективе оказались роковыми для международных аспектов урегулирования Бисмарка.

Однако лишь немногие немцы считали внешней угрозой главной опасностью, угрожавшей новой империи. Это явствует из факта, что, хотя большинство немцев было собрано вме-

сте, они были еще далеки от того, чтобы стать единым обществом. Империя была обязана своим существованием Пруссии и прусской армии, а не давлению общественного мнения. В прошлом центробежные силы часто оказывались слишком мощными. Возможно ли сдержать их теперь? Станут ли пруссаки и южные германцы работать вместе? И еще: можно ли обеспечить лояльность рабочих, установив в обществе закон и порядок? Судя по марксистскому евангелию пролетарской революции, это представлялось невероятным. В действительности же опасность такого развития событий была сильно преувеличена. Да и слова народных лидеров являлись более жесткими, чем их поведение. Бебель в 1871 году назвал коммуну слабой предлюдией к тому, что может произойти в Германии. Правящие и имущие классы были сильно напуганы, особенно когда индустриализация начала ускоряться, привлекая население в города и увеличивая численность рабочих. Ситуация требовала гибких институтов и возможности роста. Однако обстоятельства, в которых оказалась империя, привели к получению элитой права вето на официальные перемены. Нужен был лидер, который смог бы привлечь на свою сторону широкие массы, предложив идеи, которые завоевали бы их воображение. «Для охоты на демонов требуется пророк», – сказал Луи Филипп Франсуа Гизо. Только Бисмарк не был пророк. Он был гений манипуляции, обладавший непревзойденной способностью оценивать возможности. На его откровенное презрение к общественному мнению указывают привычные подкупы прессы, для чего деньги, конфискованные в Ганновере в 1866 году, оказались в высшей степени полезными. Сказать по правде, он не интересовался трудами мыслителей, предпочитая читать сентиментальные французские и немецкие романы. Бэджет в 1875 году сказал, что Бисмарк не обладал способностью оценивать моральное влияние – только материальные силы. Крылатые фразы, которыми он запомнился, являлись скорее апофегами, чем продуктивными идеями. Они характеризовали в основном настоящее, а не будущее. Возможно, этим и объясняется тот факт, что за двадцать лет правления после 1870 года он мало что сделал для решения внутренних проблем Германии.

Политическое развитие Германии в 1870–1880 годах

Непосредственно перед началом Франко-прусской войны Ватиканский совет обнародовал доктрину о папской непогрешимости. В буквальном понимании она давала папе власть вмешиваться во внутренние дела Германии. Попытки опубликовать ее на юге Германии привели к длительному противоречию относительно общих взаимоотношений между государством и церковью, в ходе которых были изданы законы, давшие имперскому и прусскому правительствам широкие полномочия в отношении образования. Также были введены гражданские браки и запрещены иезуиты. Бисмарк видел в католиках, представленных в рейхстаге партией центристов, союзников тех европейских элементов, к которым он относился с самым большим подозрением – южногерманских противников прусского лидерства, австрийских церковников, отвергавших Германскую империю, из которой Австрия была исключена, французских правых, жаждавших реванша за Седан, поляков, угрожавших безопасности Пруссии с востока. Католики и папское вмешательство вредили единству Германии в прошлом. Неужели процесс повторится? Кампания за культурную свободу (Kulturkampf) – такое название получило антикатолическое движение – таким образом, стала логическим продолжением кампании за либеральную и объединенную Германию. Однако многие убежденные протестанты в Пруссии также были консерваторами, и для них либеральная направленность Kulturkampf значила больше, чем антикатолическая. Их подозрения, которые разделял сам император, вместе с пассивным сопротивлением католиков сделали всю кампанию провальной.

В конце 70-х годов Бисмарк подвергся давлению консерваторов с другой стороны. Много лет основное количество зерна, выращенного в крупных поместьях к востоку от Эльбы, отправлялось за границу, в первую очередь в Британию. Но улучшение коммуникаций, большие

инвестиции за пределами Европы, появление пароходов из железа и открытие в 1869 году Суэцкого канала привели на европейские рынки зерно, как с других континентов, так и из России, по более низкой цене, чем прусское. Вместе с тем в Германии теперь начался рост населения, сопровождавший первую волну индустриализации. Следовательно, внутренний рынок мог поглотить все производимое в Германии зерно, и еще нужны были запасы. Конституция давала имперскому правительству право повышать доходы только косвенным налогообложением. Бисмарк хотел больше средств на военные и другие нужды, так что установление фискальных тарифов его устраивало. Тяжелая промышленность тоже ожидала защиты тарифами. Сразу после 1870 года по Европе прокатилась мощная волна инвестиций в производственное оборудование, которая оказалась даже слишком сильной. Производственные мощности создавались в масштабах, временно превысивших спрос, и это (основная причина большинства депрессий девятнадцатого века) привело к простоям и снижению цен. Еще бы несколько лет накопления капитала и роста населения, и спрос опять сравнялся бы с предложением. Однако такой анализ ситуации был за пределами возможностей современных промышленников. Слабость экономики добавила весомости утверждению, что страна, начавшая индустриализацию позже других, не может надеяться производить на конкурентоспособных условиях, даже на внутреннем рынке, пока не будет получено достаточно капитала, чтобы цены упали. Тем не менее свободная торговля оставалась частью либерального кредо, и с 1870 года Бисмарк стал полагаться на либералов для обеспечения большинства в рейхстаге. Переход к протекционизму означал бы революцию.

В мае 1878 года молодой рабочий попытался убить императора. Бисмарк, отказавшийся обсуждать возможность превентивной войны против Франции, не имел подобных предубеждений во внутренних делах. Он внес в рейхстаг законопроект, наложивший строгие ограничения на социал-демократов и партии левого крыла. Он был отклонен, и сразу последовало второе покушение на жизнь императора. Бисмарк отреагировал внесением закона против социалистов и нового тарифа. Голосование показало существенный уклон вправо, и законы были приняты без особых трудностей. Насколько помогли новые тарифы немецкой промышленности – вопрос сложный. Она определенно процветала в следующие несколько лет, но обстоятельства были таковы, что она процветала бы в любом случае. Новые тарифы, пожалуй, облегчили ценообразование и развитие картелей, поделивших рынки. Однако главный эффект был замечен в сельском хозяйстве. Землевладельцы, особенно к востоку от Эльбы, добавили к трехклассной франшизе еще одну дамбу, чтобы защититься от естественного хода событий. Не только немецкий рабочий был вынужден платить за еду больше, чем необходимо, но и заморские страны, производившие продовольствие, зарабатывали меньше, чем могли бы, и потому меньше тратили на продукцию германской промышленности. Переселение в города сократилось, и больше людей остались работать на земле, где прусский закон 1851 года запрещал им собираться вместе и бастовать. На самом деле лучшим способом выжить для сельскохозяйственного рабочего было прослужить двенадцать лет в армии, а затем искать должность мелкого чиновника. Поскольку большинство офицеров шли в армию из класса землевладельцев и необходимый уровень жизни обеспечивали им их крестьяне, так же как и жалованье, военные Германии всегда подсознательно ассоциировались с фигурой земледельца.

Конец 1870-х годов также был поворотным моментом во внешней политике Германии. Основная цель Бисмарка – сохранение изоляции Франции. Одновременно он желал избежать трений между другими европейскими державами, особенно между Россией и Австрией. Он опасался, что соперничество приведет к тому, что одна из сторон обратится за помощью к французам. Когда происходили события, которые могли вызвать столкновение, как это было на Балканах после 1875 года, он делал все возможное, чтобы приглушить конфликт и найти урегулирование, одновременно стараясь держаться в стороне. Он позволил в 1878 году созвать Берлинский конгресс, на котором назвал себя честным брокером. Некоторые немцы, вклю-

чая императора Вильгельма и его внука, кайзера, считали конгресс дорогостоящей ошибкой и были уверены, что Бисмарк не должен был вмешиваться. Существовало опасение, что Россия и Австрия могли вступить в войну, и тогда Германии придется или вмешаться, или смириться с разгромом Австрии. Но русским не понравился отказ Бисмарка поддержать их против Австрии, и в 1879 году царь потребовал заверений, что на этот раз поддержка будет. Когда к требованию добавилась смутная угроза, Бисмарк всполошился. Андраши, прогерманский мадьяр, почти десять лет бывший министром иностранных дел Австро-Венгрии, намеревался подать в отставку. Перед уходом Бисмарк уговорил его договориться о тайном соглашении, в котором Германия и Австро-Венгрия пообещают друг другу взаимную помощь, если кто-то из них подвергнется нападению русских, и нейтралитет, если будет иметь место нападение другой страны. Старому императору не понравилась идея назвать возможным агрессором страну, вместе с которой он в юности победил Наполеона, и только настойчивость Бисмарка заставила его подписать соглашение.

Были или нет действия Бисмарка слишком поспешными – вопрос, на который никогда не будет дан ответ. В то, что Россия всерьез обдумывала нападение, поверить трудно. Тем не менее, поставив Германию на сторону одного из двух антагонистов, он создал реальную возможность союза России и Франции. С 1879 года и до самой отставки главной целью Бисмарка было предотвращение превращения возможности в реальность. И в этом он преуспел. То, что он решил поддержать Австрию против России, вполне понятно, учитывая извечное тевтонское презрение к славянам, презрение, корни которого уходят вглубь веков. Кроме того, в Австрии слишком много людей говорили по-немецки. При всем этом Бисмарк, устроив этот союз, соединил Германию с державой, для которой любое расширение принципа национальной независимости стало бы роковым. Двадцатью пятью годами раньше он сам говорил, что ему было бы неприятно, если бы «Пруссии пришлось искать защиту от возможного шторма, пришвартовав наш красивый новенький фрегат к старомодному, изъеденному древоточцем австрийскому линейному кораблю». Но это именно то, что он теперь сделал. Всегда существовала опасность, что Россия, перейдя дорогу Австрии на Балканах, натравит ее на Пруссию. Бисмарк говорил, что такая ссора не представляет интереса для Германии – «она не стоит костей померанского гренадера». Но необходимость не допустить разгрома Австрии никуда не денется, независимо от того, какая страна начнет войну. Не допустить возникновения проблемы можно, только тщательно контролируя австрийскую политику. Вечная бдительность германского министерства иностранных дел с тех пор стала главной страховкой для гренадеров.

Германская политическая сцена в 1889 году

В 1880 году в политике Германии крайнее правое крыло занимали консерваторы. Это были люди, выступавшие против политики объединения Бисмарка и вхождения Пруссии в империю. После этого они относились к Kulturkampf с большой подозрительностью и были частично ответственны за ее вынужденное прекращение. С собственной точки зрения они были правы: если и были шансы сохранения неизменными древних традиций Пруссии в современном мире, они исчезли после слияния ее с Германией. Генерал Мантейфель, ведущая фигура в этом лагере, был крайне раздражен, услышав, что командир Кёльнского гарнизона установил дружеские отношения с несколькими местными купцами. Он призвал к себе одного из коллег этого офицера, и тот его заверил, что, хотя командир гарнизона общается с гражданскими лицами, это не делает его нелояльным. «Очень хорошо, – сказал Мантейфель, – значит, мы можем на него рассчитывать, когда начнется стрельба». Верность старому порядку была ключевым аспектом мышления этих людей, и их поддержка любого конкретного человека или организации зависела от того, насколько, по их мнению, человек или организация способствовали этому. А когда речь шла о короне, их отношение выражалось стихом:

Мы отдаем наши судьбы в руки монарха,
Пока он делает, что мы требуем.

События доказали, что подразумеваемая сдержанность не является пустой угрозой.

Как английские тори после 1832 года или французские роялисты после 1870 года, эти люди шли не в ногу со всем миром. В отличие от своих иностранных коллег, они не канули в политическое небытие, а нашли союзников. Они видели, что все тенденции времени направлены на уменьшение их власти, но предпочли сопротивляться, а не идти на компромисс. Они осознавали, что сражение, которое они ведут, обречено на поражение. Ими владел страх, и они не признавали рациональных аргументов, если эти аргументы могли ослабить их общее дело. Вместо этого они стремились к рационалистическому обоснованию своих предрассудков, и особенно порицали ценности городского и демократического общества. Наиболее прогрессивные из консерваторов вложили большие средства в свою землю, чтобы модернизировать методы ведения сельского хозяйства, и в результате оказались в долгах и в крайне уязвимом положении в случае экономических спадов. Прибытие дешевого зерна из-за границы сделало их зависимыми от действий государства, и было естественно задаться вопросом: как долго класс, оказавшийся в таком положении, будет сохранять господствующее положение в обществе. Многие утверждали, что империя не должна становиться «благосклонным институтом для бедствующих аграриев». Позиции землевладельцев еще больше ослабели из-за того, что германские крестьяне переселялись в города, а на их место приходили поляки. Все эти факторы тревожили консерваторов, а страхи делали их неистовыми. Тем не менее они занимали довольно прочные позиции не только при дворе, но и в армии и среди чиновников высшего звена. До 1914 года все прусские министры внутренних дел, кроме одного, были юнкеры, а единственный министр, ставший исключением, тоже принадлежал к партии консерваторов. Полностью прусская по происхождению, партия была перестроена в 1876 году, имея в виду привлечение новых членов из других регионов Германии. Это мероприятие имело некоторый успех, однако по очевидным причинам фокус остался к востоку от Эльбы, и там некоторые мелкие фермеры, крестьяне и ремесленники посчитали, что для них будет лучше проголосовать за консерваторов.

Свободные консерваторы, партия, образованная в 1866 году, отличалась тем, что ее члены принимали неизбежность индустриализации, однако старались сохранить старые германские (или прусские) принципы в новых условиях. Среди их лидеров был фон Кардорф, который в 1875 году основал центральный комитет германских промышленников, и фон Штумм-Хальберг, готовый одарить своих рабочих всяческими благами, если они будут делать, что им скажут. Свободные консерваторы были обязаны своим вниманием скорее положению своих лидеров, чем количеству. Их взгляды были близки взглядам самого Бисмарка, которого они всегда поддерживали. По их мнению, базовый прусский принцип *suum cuique* – каждому свое – подразумевал выдачу каждому все то, на что он имеет право, и не более того. Таким образом, только государство может иметь монополию власти над индивидом. Идея предоставления каких-либо прав союзам рабочих была для них неприемлема, причем они считали вполне естественным, что их собственные союзы такими правами обладают. «Германские работодатели, – говорил секретарь одного из таких союзов в 1889 году, – никогда не станут вести переговоры с рабочими на основе равных прав». Они никоим образом не были заинтересованы в благосостоянии рабочих, однако не были готовы поддерживать опору на собственные силы. Такова была обстановка, в которой в 1881 году Бисмарк представил свои новые проекты, в частности обязательного страхования рабочих (без вклада рабочих) от несчастных случаев и болезней – законодательный акт, создавший европейский прецедент.

Слабость этого взгляда заключалась в следующем: он ожидал, что рабочие будут лояльны тому, в чем они не имели права голоса, и сделал принятие status quo испытанием лояльности. Однако суть народных требований сводилась к желанию иметь право голоса в национальных делах, иными словами, к наличию ответственного правительства. Его появление привело бы прямо к равным правам. Понимая, что эти два аспекта следуют вместе, члены промышленной элиты не были готовы дать ни то ни другое. Они утверждали, что правительство партий будет означать правительство материальных интересов с некоторой степенью внутренних беспорядков, что такая страна, как Германия, окруженная внешними врагами, не может себе позволить. Они не видели или, по крайней мере, не желали признавать открыто, что суть политики – достижение компромисса между конфликтующими материальными интересами, и если появление ответственного правительства на самом деле может привести к гражданской войне, то лишь потому, что они сами не были готовы позволить своим материальным интересам занять второе место. Пока группы, занимающие ключевые роли в государстве, занимают такую жесткую позицию, не существует мирного пути решения внутренних проблем Германии и проблеме адаптации Германии к социальным последствиям индустриализации можно лишь временно подлатать, но не решить.

Национальная либеральная партия, образовавшаяся в 1866 году из либералов, которые желали поддержать Бисмарка в объединении нации, были партией, которой в основном отдавала предпочтение промышленная элита, хотя многие ее сторонники и основная часть лидеров являлись выходцами из интеллектуальных и профессиональных классов. События 1870–1871 годов удовлетворили их непосредственные национальные, но не либеральные цели. Вопрос на ближайшие десятилетия заключался в том, как долго они останутся довольны достигнутым и как сильно будут настаивать на продвижении вперед. Которое из двух прилагательных в названии партии будет далее отражать ее истинную суть? Разумеется, были немцы, которые искренне верили, что только в либеральном государстве Германия может быть объединена. Когда Бисмарк продемонстрировал обратное, они стали восхищаться его достижением и перестали требовать дальнейших реформ. К этой тенденции присоединились имущие классы, особенно когда их собственность умножилась. Они цепко держались за установившийся порядок перед лицом растущих требований рабочих. Как в Англии люди, придерживавшиеся либеральных взглядов в 1840-х и 1850-х годах, начали присоединяться к реформированной консервативной партии Дизраэли, так и в Германии богатая буржуазия стала объединяться с правящими классами. Этот процесс был идеологически оправдан теорией, что личные свободы и местное самоуправление имеют большее значение, чем парламентские и правительственные меры. Существование законов, закрепляющих это, дало Германии собственную форму либерализма. Авторитарное государство – *Obrigkeitsstaat* – было заменено государством, в котором верховенствует закон – *Reichsstaat*, наделяя каждого гражданина правами и обязанностями. Адекватность этой теории была ограничена. Местное самоуправление, предоставленное прусскими законами 1872 и 1875 годов, не слишком ограничивало власть знати и бюрократии. Но всех устраивал тезис о специфическом германском решении проблем, привнесенных в Центральную Европу инновациями с запада.

Другие либералы оправдывали бездействие, утверждая, что необходима пауза, чтобы средние классы сумели набраться в местном правительстве опыта, которого им катастрофически не хватает.

Суровое испытание взглядов национальных либералов имело место в 1878 году, когда Бисмарк предложил ввести тариф и лишить социалистов права на собрания. В конце концов, это раскололо партию, в полном соответствии с объявленным намерением Бисмарка прижимать ее сторонников к стене, пока они не завизжат. В 1880 году двадцать восемь членов левого крыла откололись от партии, образовав прогрессивную партию. Остальные приняли тарифы (которые в полной мере устраивали крупных промышленников в их рядах) и продолжили под-

держивать Бисмарка. Разногласия между ними и свободными консерваторами существенно уменьшились, и они стали двумя партиями «истеблишмента» во Втором рейхе. Правда, временами возникали спорные вопросы, вызванные разницей их происхождения. Прилагательное *национальный* в названии одержало верх над прилагательным *либеральный*. Национальные либералы стали партией национального возвеличивания за границей, которая больше всех говорила о необходимости для Германии пробиться в мировые державы. В последующие годы они всячески продвигали создание германского военно-морского флота. Профессоры и журналисты, коих было немало в рядах этой партии, вместо того чтобы в полной мере осознать, как многим победы 1866 и 1870 годов обязаны необыкновенной политической ловкости и лучшей военной организации, не только создали ошибочный миф о неизбежности прусской гегемонии, но также позволили себе опасное извращение логики. Они считали сам факт германского успеха доказательством того, что германская культура и мораль выше всех других, и делали ошибочные выводы. Они утверждали, что Германия не только имеет право на господство, но также может быть уверена в будущих победах.

Когда последующие поколения и социальные группы среди германского среднего класса достигали зрелости, они имели тенденцию приспосабливаться к стандартам, которые находили господствующими, вместо того чтобы отвергать эти стандарты и создавать свои собственные. Общественные институты, в первую очередь студенческие коллективы и система офицеров-резервистов, укрепляли эту тенденцию. За это были в ответе одержимость национальным единством и нервозность касательно рабочих. Однако средние классы в своем стремлении приспособиться довели свой поведенческий кодекс до искажения и установили идеал, требовавший слишком многого от человека. Общество, демонстрировавшее восхищение, было в основном мужским. Оно делало преувеличенный акцент на жесткость, самопожертвование и дисциплину. Эти качества, разумеется, имеют место во всех реалистических философиях жизни. Но если они не уравновешены другими соображениями, они формулируют требования, которые большинство индивидов не в состоянии выполнить. Любое общество, в котором они доминируют, вероятнее всего, полно всякого рода напряженностями, по большей части объясняющимися тем фактом, что его члены стремятся к строгости поведения и опасаются, что не сумеют ее поддерживать. Это, в свою очередь, является причиной отчаянных попыток подавить недостаток уверенности. Люди заставляют себя к отношениям и действиям, которых, по их мнению, от них ожидают, и неизбежно перегибают палку.

Таким образом, в Германии мягкость и нежность стали табу, милосердие и терпимость легко осуждались вместе с ними. Превозносилось насилие, и никого не заботило его влияние на других людей. Смелость превратилась в презрение к скромности и здравому смыслу, уверенность в себе – в презрение ко всем, кто не относится к касте военных, дисциплина – в безусловную покорность, патриотизм – в очевидную жажду господства. Закон, что материальные ресурсы бесполезны без воли их использовать (теоретически сформулированный в 1808–1813 годах и проиллюстрированный на практике в 1864–1870 годах), стал уверенностью в том, что для упорных людей возможно все. Конечно, в Пруссии всегда существовала тенденция слишком сильной приверженности к такому подходу к жизни, однако в ранней Пруссии он не был неуместным для землевладельцев, все еще придерживавшихся феодального уклада. И принятая на вооружение бизнесменами и интеллектуалами среднего класса в Европе середины девятнадцатого века, она не только стала угрозой для других, но также давала ее приверженцам искаженное представление об окружающем мире. А поскольку нежность – естественное человеческое чувство, побочным продуктом его подавления стала другая крайность – повышенная сентиментальность. Более того, необходимость индивида иметь уверенность, что он не окажется неадекватным в момент кризиса, помогла укрепить прусскую догму о безусловной покорности государству. Делая то, что ему указывает правительство, индивид мог надеяться максимально снизить риск, что он подведет родное отечество. Понятно, что тенденция при-

способливаться и преувеличивать не была всеобщей. Многие немцы придерживались более уравновешенных взглядов на жизнь, а у некоторых даже хватало характера бросить вызов установившимся стандартам (интересно, сколько из них уехали жить за границу?). В отличие от других стран, их было не так много, и они не обладали достаточным влиянием, чтобы изменить моральный климат. Легче всего было выглядеть непримиримыми, и немцы, которые избрали именно этот подход, вероятнее всего, голосовали за национальных либералов.

Члены прогрессивной партии – прогрессисты – это обратная сторона медали. Эти люди отказались пожертвовать либеральными принципами ради национальных интересов. Они переняли у британцев убеждение, что индивида следует оставить в покое. Государство и церковь не должны вмешиваться ни в его личную жизнь, ни в бизнес. В эту партию вступали мелкие бизнесмены и интеллектуалы, хотя среди ее лидеров был и крупный банкир Джордж Сименс. Будучи по большей части индивидуалистами и людьми принципа, они имели склонность к внутренним раздорам, снижавшим их политическую эффективность. Как аграрии, только в ином смысле, эти люди желали повернуть время вспять, свергнуть империю, созданную Бисмарком, и вместо нее создать конституционное государство по британской модели. Получи они шанс это сделать, немедленно вступили бы в конфликт со всеми без исключения партиями правого крыла, которые вряд ли стали бы ограничиваться в своей оппозиции конституционными средствами. Поэтому представляется крайне маловероятным, что они могли в 1848–1870 годах победить.

Но одной из крупных проблем Бисмарка была мысль об альтернативном правительстве, сосредоточенном вокруг канцлера из прогрессистов, которое он попытался высмеять, назвав «Германским кабинетом Гладстона». Довольно долго прогрессисты были склонны вздыхать и страдать по недостижимому, а не трудиться ради практических целей в контексте Второго рейха. Только в конце века положение дел начало меняться.

Партия центра (центристская партия) была необычным явлением для девятнадцатого века. Это была партия, основанная на религиозных принципах, и являлась политической организацией католической церкви. Хотя много католиков жило в Силезии и Познани, основные силы германского католицизма всегда находились на юге и западе. Партия центра была анти-прусской и выступала против любого дальнейшего расширения федеральной власти. Считая, что правительство, подчиненное рейхстагу, будет стараться укрепить этот орган за счет государств Германии, центристы с подозрительностью относились к предложенным левым крылом реформам. Католические принципы сделали их противниками и индивидуализма, однако они симпатизировали корпоративным идеям. Бисмарк не смог заставить себя поверить организации, которая подчинялась силе вне Германии, и даже после 1880 года, когда антикатолические законы постепенно перестали действовать, он не желал полагаться на голоса центристов для обеспечения большинства. Между тем почти не было разницы между католиками-землевладельцами из Силезии и Южной Германии, которые в то время доминировали в партии. Группы недвусмысленно считались консервативными. Церковь всегда имела тенденцию поддерживать власть против революционного движения. Чтобы добиться своего, центристам приходилось продавать голоса правительству. В этом процессе возможность ведения переговоров лидерами зависела от верности рядовых членов. Партия центра была самой дисциплинированной из германских партий. Пока социалисты и прогрессисты набирали голоса за счет консерваторов и либералов, постепенно возникало искушение считать центристов правительственной партией. И все же Бисмарк доверял своим инстинктам. Многие католики в Южной Германии были маленькими людьми, а многие рабочие в Рейнской области и Силезии являлись католиками. Более того, католицизм вовсе не исключал живого общественного сознания. А значит, на центристов не могло не повлиять изменение социальных основ Германии. В свое время должно было получить развитие левое крыло, если не до такой степени, чтобы люди пошли на рево-

люционные баррикады, но также представлялось маловероятным, что они были готовы стоять насмерть за существующий порядок.

Оставались социальные демократы – девять депутатов в рейхстаге 1878 года, облако на горизонте размером с человеческую ладонь, которое тем не менее могло стать предвестником урагана. Партия была создана на съезде в Готе в 1875 году путем объединения последователей Лассалья и Маркса. При этом только марксисты считали революцию средством достижения целей. Неизвестным фактором относительно социал-демократов остается степень искренности их веры в революцию. Дальнейшие события показали, что лишь немногие люди на самом деле были более организованными и законопослушными, чем среднестатистический германский рабочий. Разумеется, правым было выгодно считать его опасным анархистом. Тем не менее правых нельзя винить за то, что они верили в намерения социалистов. С одной стороны, многие социалисты сами в них верили. Впечатление усиливалось злобой, выплескивавшейся на всех, кто подвергал сомнению взгляд о необходимости и неизбежности революции. Разумеется, такой взгляд, подразумевавший, что все голосующие за социалистов всего лишь ускоряют неизбежное, являлся слишком хорошим средством привлечения голосов избирателей, чтобы его можно было легко сбросить со счетов. Даже непосредственные цели партии в 1891 году – всеобщее избирательное право, пропорциональное представительство, дифференцированный налог на доход, восьмичасовой рабочий день и неограниченное право объединения в союзы, должно быть, казались такими же радикальными элите тех дней, как они кажутся бессодержательными сейчас. Нельзя не задаться вопросом, как бы развивалась история, если бы все перечисленные цели были сразу достигнуты. Только в подобных спекулятивных размышлениях нет смысла.

Глава 2

Подоплека англо-германских отношений: торговля и колонии

Деформации в германской внутренней политике, вызванные особенностями предшествовавшей истории страны, были еще более неудачными потому, что социальную ткань надо было приспособить не к одной революции, а к двум, промышленной и Французской. К 1870 году Германия как раз начала всю полноту влияния той особенно напряженной стадии, которую переживает каждая страна в начале индустриализации и которую американский писатель назвал «подъемом». Чтобы оценить происходившие события, необходимо вернуться на столетие назад.

Вскоре после окончания американской Войны за независимость скорость роста британского производства начала существенно опережать скорость роста населения. Это обманчиво простое утверждение несет в себе ключ к мировой истории последних двух столетий.

То, что имело место в Британии, не происходило никогда раньше, но, когда это произошло, «оно стало неизбежным, как утрата невинности». Тот факт, что это случилось именно в Британии, объясняется схождением в одном месте многочисленных звеньев исторических причинно-следственных связей, некоторые из которых мы уже упоминали.

1. Важным фактором, сопутствующим росту производительности, является рост скорости, с которой устанавливается оборудование, и, таким образом, поскольку за машины надо платить, скорости капиталовложений. Но это, в свою очередь, требует следующего:

капитал необходимо накопить, и делают это люди, у которых больше денег, чем необходимо для удовлетворения их насущных потребностей, и, таким образом, они могут позволить себе их откладывать;

необходимо развивать банковский механизм до стадии, когда капитал, собранный одними, может быть предоставлен в распоряжение других, для производительного его использования;

кто-то должен быть готов пойти на риск, ссудив свой капитал исходя из разумных ожиданий личных доходов, а другим следует быть готовыми возглавить инновации.

Развитие всех этих факторов в Британии имело место, благодаря столетию, или даже больше, существования стабильного правительства и правовой системы, надежной и неизбирательной, чтобы люди чувствовали уверенность в будущем.

2. Благодаря в основном удобному географическому положению Британии на мировых торговых путях, открытых мореходами шестнадцатого века, а также предприимчивости, с которой эти пути использовались, в Британии получила развитие заморская торговля, сделавшая доступными разнообразные материальные ресурсы и стимулировавшая развитие кредитных и коммерческих институтов. Британия сумела найти новые решения не имевших прецедента проблем. В стране распространился дух инноваций и риска.

3. Вхождение в правительство среднего класса и небольшого сословия сквайров в семнадцатом веке привело к устранению бюрократических преград торговле, связанным с риском операциям и инновациям. Коммерческое мировоззрение проникло в политику в точности так же, как успешные торговцы проникли в ряды аристократов.

4. Сырьевые материалы, остро необходимые на ранних этапах индустриализации, – уголь, железная руда, шерсть и хлопок – либо имелись в достаточном количестве в Британии, либо их было легко ввезти.

5. Научные открытия достигли уровня, когда их можно эффективно использовать в производственных процессах. В первую очередь изобретение парового цилиндра революционизи-

зировало процесс снабжения энергией, что сопровождалось резкими изменениями в отношении людей к миру науки. Если веками большинство людей считало физический мир чем-то изолированным от себя, таинственным, непонятным и потому непредсказуемым, теперь они поняли, что в нем действуют доступные пониманию законы, которые можно использовать в своих целях. В этой связи большое значение имели стимулы, которыми внутренний мир и грамотное правительство обеспечили образование и научные исследования. Отметим два наиболее важных применения этого принципа.

Связь, которая существенно увеличила доступность потенциальных рынков (сэр Роберт Пил в 1834 году путешествовал на самой высокой скорости из Рима в Лондон и провел в дороге тринадцать дней, то есть столько же, сколько ему потребовалось шестнадцатью веками раньше; спустя двадцать лет на дорогу у него ушло бы три дня).

Медицина, в которой более ясное понимание причин заболеваний привело к быстрому прогрессу в их лечении и предотвращении, а значит, к ускоренному росту населения.

6. И еще один фактор, требующий внимания, причем один из самых важных: неожиданное увеличение численности людей представляло собой одновременно и проблему, поскольку требовалось больше ресурсов, и благоприятную возможность – увеличение доступной рабочей силы и потенциальных рынков.

Механическое производство изделий в больших количествах стало не только технически возможным, но и, благодаря развитию экономик, основанных на масштабах производства, привлекательным с финансовой точки зрения. Но вся полнота эффекта не была бы ощутимой, если бы одновременно не шел рост потребителей и расширение площадей, на которые было возможно эффективное распределение. Наконец, машины для производственного процесса могли устанавливаться только потому, что имелись свободные финансовые ресурсы, доступные для целесообразного использования.

Перемены в промышленности повлекли за собой трансформацию общества, главным признаком которой стал неуклонный рост стандартов жизни и досуга, широкое распространение грамотности, отчасти из-за потребности промышленности в более образованных рабочих, отчасти из-за желания самих рабочих подняться по карьерной лестнице. Распространению грамотности способствовало использование техники в сфере интеллектуальных коммуникаций. Можно сказать, что происходил глубинный сдвиг в человеческом сознании, выразившийся в переходе от статичного, по большей части привычного общества, к другому, в котором перемены, как правило именуемые «прогресс», принимаются как норма жизни. Изменилось понимание людьми понятия возможного, стимулируемое осознанием существования альтернативных обществ во времени или пространстве, а значит, сопровождаемое переоценкой общепринятых ценностей. Изменились идеи относительно целей, которые должны достигаться совместными действиями в общественной жизни, иными словами, в политике. Но благодаря совершенствованию связи расширение интересов и осознание возможностей шли параллельно с ростом возможностей управления из единого центра, а значит, того, что может быть достигнуто общими действиями. Людям хотелось сделать многое, и с ростом возможностей увеличилось количество того, что может исполнить каждый человек. Жизнь стала интенсивнее. Прежде всего, прогресс заключался в постоянном расширении сфер, в которых проблемы доводились до уровня сознания, где их можно было проанализировать, – важный первый шаг к их решению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.